

Непутевые заметки по Европе

Автор:

[Алекс Экслер](#)

Непутевые заметки по Европе

Алекс Экслер

Непутевые заметки

Вступление

Был тихий семейный вечер. Лениво потрескивали березовые дрова в камине, на столе пофыркивал самовар. Кот Парловзор мирно дремал в своей корзиночке, свернувшись калачиком, жена Мария вязала, постукивая спицами, а я выпиливал лобзиком скульптурную композицию «Дедушка Ленин в момент принятия решения о написании книги „Как нам реорганизовать Рабкрин“».

М-да... Вполне неплохое вступление получилось. Но если не грешить против исторической справедливости, то приходится признать, что роль камина исполняла висящая на стене картина «Митьки уходят из города»; вместо самовара на столе располагалась величественная бутылка с виски (откуда у меня вообще всплыл этот самовар? я же чай ненавижу с детства); кот Парловзор был в боевом настроении и драл когтями кресло; я был занят реанимированием безвременно почившего компьютера, прихлебывая виски после каждого закрученного винтика (вроде, рифма какая-то получается: виски – винтик? ... нет, не получается); Мария же учила английский язык.

Тем не менее, вечер был действительно тихий и семейный (хотя Парловзора за его бандитские выходки я скоро перестану считать настоящим членом семьи) и ничто не предвещало каких-либо потрясений.

Внезапно Мария подняла голову и сказала: «А не съездить ли нам летом в Лондон, чтобы позаниматься английским языком?». Тут я похолодел... Ибо надо знать решительный характер моей драгоценной супруги, чтобы понять: такая фраза не может предполагать какого-либо развития дискуссии. То есть, даже если я скажу: «Да ну его, этот Лондон, в литую кружку! Давай лучше возьмем портвешка и скатаемся в Монино на рыбалку!», то в Лондон я попаду в любом случае, даже если Марии придется напоить меня снотворным и вывезти за границу запакованным в чемодан вместе с моим любимым компьютером.

Между тем учить английский язык мне решительно не хотелось. Более того, я с полным на то основанием считал, что владею им практически в совершенстве. Что простому, но порядочному человеку полагается знать из английского языка? Правильно: «Йес», «Ноу», «Пардон», «Ван дринк, быстро» и, чтобы совсем покорить собеседника, – «Иль монументо ди Кристофоро Коломбо» (хотя это, кажется, уже не на английском). Вот и я в совершенстве владел всеми этими словами, да и, кроме того, еще помнил со школьных времен дивную фразу: “Ilike [Note1 - существительное подставить по вкусу] somuch, thatIcan’tfindwordstoexpressmyfeelings!”. В школе на экзамене по английскому я величественно произносил: “Ilike моя школа somuch...” и т.д., после чего англичанка заливалась слезами умиления, а директор школы горделиво поглядывал на представителей РУНО, которые начинали хлопать в ладоши и кричать: «Пять! Пять! Пять баллов, однозначно!». В институте эта фраза звучала как: “Ilike твердотопливные ракетные двигатели somuch...”, и шансы на получение стипендии становились удивительно высоки; после института данное предложение в модификации: “Iloveyousomuch...” было хитом № 1 на любой вечеринке... В более зрелые годы я переосмыслил и несколько расширил этот бессмертный перл английской словесности, поэтому иногда “Ilike” превращалось в свою диалектическую противоположность – “Ihate”. Так, например, мое сочинение “IhateMicrosoftsomuch, thatIcan’tfindwordstoexpressmyfeelings” получило приз зрительских симпатий «За краткость и емкость содержания» на конкурсе «Как вы относитесь к фирме Майкрософт?», который проводила IBM.

Проблем с диалогами у меня также не было, ибо для настоящего плодотворного общения с англоязычными слоями различных населений достаточно было знать только две фразы: “Isee” (которую непосвященный читатель переведет как «я – море», а посвященный знает, что данное словосочетание означает только «короче, я понял») и “Whatisit?”. Рецепт применения этих двух несложных фраз такова: на пять-шесть “Isee” – одну-две “Whatisit?”, и в глазах собеседника вы предстанете человеком понятливым, интеллигентным, пытливым и даже остроумным. Простейший диалог звучит примерно таким образом:

- Hello! MynameisJohnSmith!

- I see.

- How do you like this beautiful weather

- What is it - weather?

- Oh! Sir Exler is funnyman?

- I see.

- Would you like to drink some vodka?

- Конечно, буду!

и т.д.

И вот такого человека, чей блестящий языковой запас был также пополнен одной-двумя ругательными фразами еще на пятнадцати языках, собирались отправлять в лондонскую школу для изучающих английский язык. Разумеется, я стал активно протестовать. Полчаса я вспоминал все самое ужасное, что мне приходилось слышать и читать об Англии: голову своему королю отрубили; напустили жуткого туману, в котором все равно ничего не разглядишь; совершенно распустили своих футбольных болельщиков; затравили несчастного Оливера Твиста, который был вынужден броситься под поезд, и т.д. и т.п. А когда вспомнилась их знаменитая английская овсянка и дикая привычка пить чай в пять часов вечера, я весь просто заплакал, и Мария поняла, что сейчас спорить со мной бесполезно, поэтому разговор был отложен на несколько дней.

Через какое-то время неожиданно выяснилось, что мне по работе необходимо съездить на несколько дней в Брюссель, чтобы решить некоторые компьютерные проблемы с заказчиком. Попытки отказаться были пресечены руководством в самом начале фразой: «У тебя в нашей фирме - самая представительная морда», после чего меня дня два грубо шантажировали большими командировочными и возможностью съездить заодно в Голландию и Люксембург.

На семейном совете (во время которого кот Парловзор ухитрился разодрать два кресла и налить в мой кошелек) Мария сказала: «Отлично! Прокатимся на недельку в Брюссель. Оттуда до Лондона – рукой подать. Я, кстати, уже заказала нам двухнедельный курс обучения в школе для иностранцев», и, таким образом, моя участь была решена. Разумеется, Мария постаралась максимально подсластить пилюлю и нарисовала мне массу заманчивых картин о том, как мы будем проживать в семье простой английской благородной бабушки, которая, прихлебывая портвейн, станет вспоминать про «Те Времена», когда деревья были больше, а овсянка – вкуснее; как мы днем будем постигать премудрости английского языка в компании представителей всех стран и континентов, а вечером с приятностью проводить время в знаменитых английских пабах, дегустируя бешеное количество сортов пива, заодно обучаясь у англичан их знаменитым изысканным манерам; как по выходным мы будем с приятностью проводить время в Гайд-парке, дискутируя по острейшим политическим вопросам с местными пикейными жилетами. Выбора, разумеется, у меня не было, поэтому пришлось соглашаться.

Оставшиеся до отъезда две недели я решил полностью посвятить изучению этой загадочной страны и пополнению своего словарного запаса, для чего перечитал ту часть романа Александра Сергеевича Дюма «Двадцать лет спустя», которая посвящена путешествию трех мушкетеров в Лондон, и пролистал весь вебстеровский толковый словарь, из которого запомнил только изумительное слово “pedestrian” (кстати, оно переводится как «пешеход», а вовсе не так, как вы подумали).

Бельгия

Перелет в Брюссель ничем особенным не запомнился, разве что до пересечения нашей границы самолет трясло немного больше, чем по пути от границы до Бельгии.

В Брюссельском аэропорту был небольшой бардак, связанный с забастовкой служащих аэровокзала. Забастовка, собственно, заключалась в том, что все объявления они давали не по-французски, а по-фламандски. Мне это, как ни странно, ничуть не мешало. Впрочем, я бы на их месте давал объявления на языке племен Зулу. Это произвело бы больший эффект.

Нас встретили представители фирмы, куда я направлялся, и отвезли в отель «Сас-Интернейшнл». В отеле было хорошо (еще бы! пять звезд – это тебе не однозвездочная гостиница в Египте). Чистенький номер с кондиционером, телевизором, холодильником и мини-баром. Я сразу же выудил из мини-бара баночку с орешками фундук, после чего устроил дикий скандал коридорной по поводу того, что часть орешков была как бы заплесневелая и со странными зелеными пятнами. Бедная коридорная мне битый час объясняла по-французски, что фисташки такие и должны быть, но так как я этого варварского языка не понимал, ей пришлось сходить вниз и принести мне банку с обычным фундуком. Я ей в благодарность подарил железный рубль с изображением Ленина, и инцидент был исчерпан.

Номер был весьма продуман. Ванная представляла собой практически идеал комфорта: подогреваемый мраморный пол, телефон. Особенно меня порадовал тот факт, что при включении телевизора в ванной дублировался звук с просматриваемого канала. Поэтому я с удовольствием побрился в ванной, прослушав один из ранних фильмов Чарли Чаплина.

Были, конечно, некоторые вещи, к которым приходилось привыкать. Например, когда я сходу бросился на кровать, в спину мне впились шипы здоровенной розы, лежащей на подушке и прикрытой салфеткой (это у них такая традиция – класть на подушку розы или шоколад). Вторая вещь, вызывающая у русского человека определенные неудобства, – платные телевизионные каналы. Стоят они довольно дорого, а посмотреть – хочется. Но у них есть интересная особенность: первые две минуты канал можно смотреть бесплатно (причем для удобства в верхнем левом углу отсчитывается время, оставшееся до конца свободного просмотра). Не потребовалось проявлять особенной смекалки, чтобы лежать на кровати с пультом и каждые 1 минуту 58 секунд на мгновение переключаться на другой канал, после чего – возвращаться обратно (счет времени, разумеется, начинался опять с нуля). Я даже придумал простенькое механическое устройство на батарейке «крона», которое само выполняло бы эту нехитрую операцию. Жаль, что у меня было довольно мало времени. Иначе продажа таких устройств у входа в отель окупала бы всю поездку.

Еще мне очень понравился аппарат для изготовления льда, который стоял в коридоре. Достаточно было нажать на пластмассовый язычок, и в поддон с громким стуком начинали сыпаться кубики льда. Меня так вдохновляло это зрелище, что я потом каждое утро приходил к автомату и с громким криком «Гули-гули» давил на язычок, любуясь падающими кубиками.

После осмотра номера мы отправились побродить по Брюсселю. «Ну, что тебе сказать про Сахалин?»... В смысле – про Брюссель? Город как город. В общем, каменный мешок, но местами симпатичный. Жизнь сосредоточена в самом центре, где много пешеходных улиц и куча магазинов. Чуть дальше от центра – сплошные дома из стекла и бетона, почти никаких прохожих и магазинов. Названия улиц – исторически сложившиеся. Никаких «Улица первого мая», «Улица имени 80-летия со дня отмечаия 20-летия со дня рождения Короля» и т.д. Простые и скромные названия. Например, улица, на которой стоял наш отель, называлась «Волчья канава».

Очень трудно сразу привыкнуть к дикой специализации их магазинов. В каждом из них продается только один вид товара. Когда мне понадобилось закупиться стандартным набором мужчины-путешественника (бутылка виски, бутылка мартини, упаковка пива, крекеры, ящичек с сигарами, несколько журналов, пена для бритья и пленка для фотоаппарата), то пришлось обойти чуть ли не десяток различных заведений. Если учесть, что в каждом из них покупку заворачивают в бумагу и кладут в отдельный пакетик, к концу шопинга я напоминал японского туриста, обвешанного сувенирами.

Впрочем, все оказалось не так плохо. Рядом с Королевской Площадью я обнаружил маленький магазинчик, который держал араб Вася (возможно, его звали как-то по-другому, но мне было удобнее называть его именно так). В этом скромном заведении я нашел полный комплект всех необходимых мне вещей, причем за цену, которая была раза в два дешевле, чем в остальных магазинах. Это было настолько неожиданно и приятно, что я поклялся Васе в вечной дружбе и дал зарок остаток жизни посвятить восстановлению арабо-еврейских взаимоотношений.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Note1

существительное подставить по вкусу

Купить: https://tellnovel.com/ru/eksler_aleks/neputevye-zametki-po-evrope

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)